

АСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ, ИЛИ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

А.О. ВИНОГРАДОВ

Соперничество в не соперничестве и есть самое искусное соперничество.
Тот, кто искусен в делах войны и держит в покорности мир, не захватывает города...
Он создает себе пространство, в котором нет противоборства, — и не более того.

Цзе Сюань. Военный канон в ста главах¹

По заветам «Сунь Цзы» и Мао

Традиционная и самая распространенная ошибка прогнозирования в области социально-исторических наук — это экстраполяция имеющихся тенденций развития в рамках существующей общей системы отношений. При этом возможность слома или кардинального изменения этой самой системы (например, полного исчезновения каких-то ее компонентов или изменения законов ее функционирования) остается как бы за скобками. Об этом я писал в 1986 г. в диссертации, посвященной различным методикам прогнозирования международных отношений. Впрочем, тогда, в позднем СССР, предположить возможность полного исчезновения Советского Союза с карты мира было затруднительно не только по ментальным, но и по политическим соображениям... Поэтому прогноз развития советско-китайских отношений на период до 2000 г., присутствующий в диссертации в качестве приложения, получился несколько односторонним (что, однако, не слишком умаляет его действенность в отношении развития Китая — я недавно специально его перечитывал).

Сегодня утверждения о том, что мир находится в процессе своего кардинального изменения или, говоря более научным слогом, в точке бифуркации, стали чуть ли не общим местом. Меняется сама глобальная система отношений, начиная с геополитики и заканчивая геоэкономикой (которая, по мнению, например, известного российского философа А. Неклессы сегодня во все большей степени определяет модель мира²). Однако при этом сама академическая наука в области международных отношений по большей части продолжает находиться в плену прежних представлений, парадигм и контекстов.

Вышесказанное на самом деле касается не столько российской, сколько американской академической науки (и американского политического и внешнеполитического истеблишмента), и прежде всего этот подход проявляется по отношению к Китаю.

Китай рассматривается сегодня в США как ключевой игрок на международной арене, от отношения с которым зависит будущее всего мира. Именно американо-китайские отношения являются принципиальной проблемой современного мира и, по словам Госсекретаря США Джона Керри, сказанным в начале ноября 2014 г. накануне поездки Обамы в Пекин на саммит, именно они «будут определять образ XXI века». Ему вторит и советник по национальной безопасности Сьюзен Райс, которая после своего визита в Пекин в сентябре 2014 г. не перестает говорить и писать о том, что «большинство глобальных проблем XXI в. невозможно эффективно решить без совместной работы США и Китая».

И это не только признание того факта, что Китай является второй экономикой мира (по некоторым подсчетам — уже первой, по крайней мере в области производства³). Это отражение господствующих сегодня в Вашингтоне представлений о том, что судьба США и мира в целом зависит в конечном счете от того, удастся ли наладить нормальные партнерские отношения с Китаем. США и Китай в конечном счете либо утонут вместе, либо вместе выплывут (а с ними — и большая часть остального мира)⁴. Либо две державы сумеют наладить отношения — и тогда все будет хорошо, либо не сумеют — и тогда выплывать будет трудно всем.

В этом есть своя логика, однако, как подчеркивают некоторые независимые исследователи⁵, в ней есть один существенный недостаток — она предполагает, что страны, не принадлежащие к западному миру, как сегодня, так и в прошлом, могут выбрать лишь одну стратегию из двух: они могут либо ассимилироваться в существующий международный порядок, установленный в свое время, либо бросить ему вызов (такой взгляд касается не только Китая и России, но и других развивающихся держав). В результате китайская политика Вашингтона нацелена на всемерное поощрение первого варианта (насколько это возможно) при одновременной подготовке к тому, чтобы ограничить ущерб для США в случае, если Китай выберет вариант второй (то же самое относится и к России). Именно такая логика лежит в основе американской внешней политики ограничения Китая на протяжении последних двух десятилетий.

В статье, опубликованной в журнале «The National interest» еще в 2007 г.⁶, американские независимые исследователи Наазнин Барма, Эли Ратнер и Стивен Вебер подчеркивали, что такая «ментальная карта» (и основанные на ней академические теории) не соответствует действительности. Развивающиеся страны и, в частности, Китай, вероятнее всего, не будут ни бросать вызов, ни ассимилироваться в руководимый Соединенными Штатами мировой порядок, поскольку им не выгодно ни тот, ни другой вариант. Либеральная система в целом не соответствует интересам Китая, однако вступать в драку с

богатейшей и самой мощной страной мира Пекину тоже невыгодно. И рассматривать Китай как страну, загнанную в угол и вынужденную выбирать между двумя одинаково непривлекательными вариантами, означает абсолютизировать существующие академические теории и, что еще хуже, неверно истолковывать поведение не только Китая, но и других развивающихся стран.

От себя добавлю также, что такое восприятие китайской стратегии в мире находится также в отрыве от китайских традиционных стратегических установок, восходящих еще ко временам «Сунь Цзы» и других военных трактатов древности⁷, влияние которых на поведение как рядовых китайцев, так и руководства страны и сегодня остается значительным. В соответствии с древними военными канонами, всегда подчеркивавшими преимущество обходных маневров и умение побеждать, не вступая в открытую конфронтацию с соперником, Китай предпочитает «обходить» существующий международный порядок, выстраивая «мир без Запада». И вовлекая в этот мир все большее число развивающихся стран, которых не устраивает существующее положение вещей (а таковых, похоже, становится все больше).

К этому можно добавить и известную теорию «трех миров» Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина⁸, и сегодня являющуюся основой (при всех коррективах, связанных с изменением международной обстановки) китайских внешнеполитических концепций. В соответствии с ней Китай (в отличие от стран Запада) принадлежит к третьему миру — к развивающимся странам, причем является их естественным лидером. И нынешнее положение, при котором Китай, как любят подчеркивать в Пекине, является «локомотивом» мировой экономики, данную ситуацию не меняет, а лишь «развивает».

В этих условиях КНР, стараясь не допускать открытой конфронтации с США и западными странами, выстраивает свой собственный мир, параллельный существующему, мир, основанный не столько на геополитике, сколько на геоэкономике (как уже говорилось выше, именно она сегодня определяет развитие мира). И именно это диктует, на мой взгляд, основные параметры и шаги Пекина на мировой арене.

«Пекинский консенсус»

Однако прежде чем перейти к политике внешней, стоит сказать о политике внутренней. Дело в том, что самим своим существованием Китай доказывает всему миру возможность альтернативного западному пути развития, причем сразу по двум позициям — в области социально-политического строительства и в области непосредственно экономики.

Можно по-разному называть ту общественно-политическую модель, которая создана в современном Китае (социализм с китайской

спецификой, госкапитализм, авторитарный режим и т.п.). Однако нельзя не признать, что эта модель, получившаяся путем реформирования, «осовременивания» существовавшей ранее так называемой «советской модели» с использованием собственно китайских традиций государственного и общественного строительства — принципиально отличается от сложившихся на Западе стереотипов.

В области политики за прошедшие с начала реформ Дэн Сяопина 35 лет при сохранении системы одной правящей партии (продолжающей называть себя коммунистической) удалось создать (в том числе методом проб и ошибок) достаточно стабильную структуру управления страной. Она не свободна от недостатков (наиболее серьезным из которых считается высокий уровень коррупции), но способна обеспечивать стабильность руководства, его сменяемость на регулярной основе, коллективность и даже демократичность (путем развития так называемой внутривластной демократии)⁹. При этом усилия руководителей КНР двух последних «созывов» или, другими словами, четвертого и пятого поколений¹⁰ направлены на ликвидацию неравенства в обществе (преодоление «трех разрывов» — между теми, кто разбогател в результате реформ, и теми, кто не смог этого сделать; между богатыми и бедными провинциями; между городом и деревней) и достижение не только всеобщей «средней зажиточности» («сяокан»), но и «социальной гармонии» («шэжухэй хэсэ»), провозглашенной в середине правления Ху Цзиньтао одной из основных целей внутривластного развития страны. И нынешнее руководство Китая продолжает работу в этом направлении — именно на это, на мой взгляд, направлены в первую очередь решения ноябрьского Пленума ЦК 2013 года и весенней сессии ВСНП 2014 года¹¹.

Что же касается экономической составляющей того феномена, который именуется «китайским чудом», то здесь тоже прежде всего стоит подчеркнуть тот факт, что оно достигнуто вопреки сложившемуся в 90-е гг. стереотипу тех мер, которые необходимы, по мнению идеологов либерализма, для успешного перехода стран бывшего лагеря социализма или развивающихся стран в разряд «развитых», т.е. вопреки тому, что было тогда же названо «вашингтонским консенсусом», т.е. вопреки рекомендациям Международного валютного фонда и других подобных структур, которые (увы, не могу не отметить) продолжают и по сей день строго исполняться в России либеральным блоком правительства.

В отличие от России, в Китае (во многом благодаря усилиям непосредственно Дэн Сяопина, по праву считающегося «архитектором китайских реформ»¹²) предпочли, вопреки расхожему мнению, «опору на собственные силы». И даже, как пишет А. Салицкий в статье «Потенциал авторитаризма»¹³, в середине 1980-х отказались от гигантско-

го кредита МБРР (200 млрд долл.), условия которого сужали экономический суверенитет страны и ее международную специализацию.

Успешный опыт реформ и экономического развития КНР, позволившего за 35 лет превратить страну в крупнейшую экономику мира и одновременно заметно поднять благосостояние населения (при всех различиях в конкретном уровне этого благосостояния), заставил экспертов в середине первого десятилетия нашего века, с легкой руки Джошуа Рамо, которому и принадлежит этот термин, заговорить о «пекинском консенсусе», идущем на смену «вашингтонскому». Мне тоже приходилось писать на эту тему¹⁴, однако, на мой взгляд, наиболее полно суть того, что понимается под этим термином, изложена в многочисленных статьях А. Салицкого¹⁵.

Много написано и о том, что китайский опыт уникален и с трудом может использоваться в других странах, в том числе вышеупомянутым автором, с которым я, при всем моем к нему уважении, в данном пункте позволю себе не согласиться. Да, некоторые моменты (наличие многочисленной китайской диаспоры в мире, своеобразная политическая ситуация на момент начала реформ¹⁶, наличие большого количества дешевой рабочей силы, возможность использовать близость и опыт развития Гонконга и Тайваня, а также опыт существовавших до революции в Китае селтльментов, пригодившийся в ходе создания так называемых «свободных зон») действительно являются уникальными. Однако в целом очень многие аспекты китайского опыта развития экономики, на мой взгляд, могут (и должны) использоваться в других странах, в том числе в России. И замечу, уже используются во многих странах Юго-Восточной Азии (например, во Вьетнаме).

Что в данном случае имеется в виду? Прежде всего, это стремление к всемерной локализации промышленного производства (в качестве одного из компонентов опоры на собственные силы). В КНР это формулировалось как создание «относительно целостной системы промышленности». В отличие от подавляющего большинства развивающихся стран, которые в глобальном разделении труда специализируются почти исключительно на трудоемких звеньях (для них это зачастую остается единственным способом внешнеэкономической специализации), Китай, участвуя в этих цепочках, старается замкнуть их на себя, упорно проводя политику повышения доли добавленной на территории страны стоимости в цене экспортных (и потребляемых в Китае импортных) товаров (сегодня по тому же пути пытается идти АСЕАН). И с началом нового века преимущественная специализация китайской промышленности на трудоемкой продукции (при сохраняющейся социальной важности массива малых сельских предприятий, образовавшихся в ходе крупномасштабной мануфактуризации деревни в годы реформ) постепенно уходит в прошлое.

Кроме того, комплексная промышленная структура в сочетании с масштабом хозяйства и внешней торговли, а также энергичной экспансией китайских корпораций за рубеж позволила избежать зависимого положения в мировом хозяйстве (другими словами, если зависимость от промышленно развитых стран и их ТНК и существует, то она является асимметричной). Не менее важно и то, что крупная промышленность КНР является мощным генератором платежеспособного спроса на разного рода новации, с одной стороны, и средством их массового тиражирования — с другой. Кстати, как подчеркивается в вышеупомянутой статье¹⁷, с переходом на «постиндустриальный» этап разрыв в сфере услуг (в том числе информационных) преодолевается в более короткие сроки, чем отставание в промышленности.

Еще один важный момент — хотя Китай и является крупнейшим мировым изготовителем промышленной продукции, а также ее экспортером, его зависимость от экспорта на порядок ниже, чем у соседних стран (в том числе и в силу масштаба экономики). Китаю удается наращивать свое присутствие в мировой экономике одновременно с ослаблением зависимости от нее. В частности, несмотря на повышение курса юаня к доллару в 2005 — 2012 гг. на 30%, КНР тогда же значительно увеличила свой вес в мировой торговле, что говорит о том, что конкурентоспособность китайской промышленности опирается не только на ценовые, но и на другие факторы, включая системность и скоординированность местной промышленной структуры. Китайский опыт, как подчеркивается в той же статье, доказывает, что можно сочетать комплексную, полноотраслевую индустриализацию с использованием на внешнем рынке сравнительных преимуществ в целом ряде отраслей, т.е. сочетать Д. Рикардо и И. Фихте «в одном флаконе» гигантского хозяйства¹⁸.

Еще одна важная черта китайского пути развития — очень большая доля накопления в ВВП страны и увлечение в первое десятилетие нынешнего века масштабными инфраструктурными проектами (строительство дорог, в том числе высокоскоростных железных дорог, строительство жилья и т.п.) После смены руководства в 2012 г. эта политика стала подвергаться критике, однако нельзя не признать, что она позволила несколько преодолеть разрывы в развитии различных регионов страны и консолидировала внутренний рынок (способствуя одновременно его росту и уменьшению зависимости от экспорта), позволила повысить мобильность рабочей силы и, выявив сравнительные преимущества регионов, оптимизировать размещение производительных сил, а также улучшить экологическую ситуацию на наиболее густонаселенных территориях.

Кроме того, в ходе этого строительства Китай, «заняв денег у населения», смог значительно увеличить «глубину» своей экономики, которая теперь качественно превосходит экономику сравнимых с

ней по масштабам соседних крупных стран — Индии и Индонезии — по уровню «жесткой инфраструктуры»¹⁹, что дает КНР не только серьезный запас прочности, но и опыт воплощения в жизнь крупных инфраструктурных проектов, который сегодня используется для экспансии за рубеж (те же высокоскоростные железные дороги Китай строит уже по всему миру, включая Европу, поскольку обладает собственной технологией их дешевого и качественного строительства).

И, наконец, инфраструктурное строительство, как показал китайский опыт, может служить важным рычагом преодоления последствий кризисных явлений в хозяйстве, ликвидации «провалов рынка», стимулирования активности частного капитала и т.п., при условии подчинения финансового (банковского) сектора интересам развития реальной экономики, при сохранении (а еще лучше, удешевлении) доступного, в том числе долгосрочного, кредита.

Опыт функционирования финансового сектора в Китае, на мой взгляд, вообще является очень поучительным для России, особенно в свете последних событий. И прежде всего в том, что касается валютного регулирования.

Думаю, что любой китаист, заставший 90-е гг., особенно их первую половину — годы активного участия китайцев в скупке остатков советского наследия — так или иначе (в качестве переводчика или в качестве начинающего бизнесмена) принимал в этом процессе сильное участие. Эти люди помнят, что китайцам ничего нельзя было продать за валюту, поскольку для того, чтобы купить что-то за валюту (и обменять на нее юани), китайским бизнесменам необходимо было иметь соответствующее разрешение, которое тогда получить было практически невозможно — если хочешь что-нибудь продать в Китай, ты должен продавать за юани, покупая на них что-то внутри Китая (фактически бартер). Отсюда и существовавшее в те годы засилье в нашей стране дешевых и некачественных китайских товаров (качественные тогда в Китае производить еще не слишком умели).

Сегодня эти положения («гуйдин») уже не являются такими жесткими, однако для конвертации юаней в валюту, насколько я знаю, по-прежнему необходимо специальное разрешение (хотя бы на уровне провинциального Отдела по внешнеэкономической деятельности). И, в любом случае, для фирм необходимо наличие контракта, а для граждан — наличие документов, подтверждающих необходимость этой конвертации (виза, билет и т.д.). Понятно, что это не только пересекает возможность спекуляций на валютном рынке, но и, вместе с жестким таможенным регулированием (всемерным поощрением экспорта и ограничением импорта — импортные пошлины на ряд товаров, в частности, на легковые автомобили, одно время были на уровне 100%), способствует развитию собственного производства. И, замечу, совсем не мешает Пекину становиться членом ВТО и инте-

гироваться в мировую экономику, сохраняя при этом финансовую самостоятельность (в отличие от тех стран, которые согласились на преждевременную полную конвертацию собственной валюты, закрепляющую их зависимое положение в мировой экономике и делающую их жертвами различных «кризисов» и финансовых схем). А теперь появилась возможность еще и строить собственную международную финансовую систему, основанную на превращении юаня в интернациональную валюту (соглашения о расширении сферы торговли за юани заключаются Пекином ежегодно со все большим числом самых разных стран, включая Великобританию — соглашение о постепенном переходе в расчетах с Великобританией на юани и фунты стерлингов и об открытии в Лондоне банковского центра юаневых расчетов было обнародовано в ходе визита Ли Кэцзяна в Лондон в июне 2014 года²⁰). Кстати, Центробанк Китая непосредственно подчинен правительству.

Возрождение шелкового пути

Возвращаясь от внутренней политики к внешней (которая, как подчеркнул В.И. Ленин, является ее продолжением), начну, пожалуй, с самого широкомасштабного и столь же широко пропагандируемого нынешним поколением китайских руководителей проекта — «Новый шелковый путь». Это проект, который, наряду с «китайской мечтой», предназначенной не только для внутреннего употребления, но и для всего мира, является, по-видимому, главным направлением во внешнеполитической деятельности Пекина и продвигается на уровне высших китайских руководителей (в том числе лично Си Цзиньпином).

По поводу «Нового шелкового пути» написано уже много, однако суть его, на мой взгляд, в том, чтобы создать надежные альтернативы существующему сегодня морскому пути, связывающему Китай со всем остальным миром через проливы в Южно-Китайском море, уязвимость которых в случае серьезных международных конфликтов общеизвестна. И создавать эти альтернативные пути Пекин начал задолго до обнародования нынешнего проекта²¹.

Начав с инвестиций в инфраструктуру внутри страны, Китай сегодня переходит к столь же масштабным инвестициям в инфраструктуру по всему миру, прежде всего в Евразии. И тратит на это — строительство дорог, как шоссе, так и железных, портов, аэропортов, городской инфраструктуры, энергетических объектов — трубопроводов и т.д. — огромные средства (больше всех в мире). А помимо этого — модернизирует флот, переходя к созданию океанского флота, способного обеспечить присутствие Китая в любом уголке мира (эта задача была выдвинута еще прежним руководством в лице Ху Цзиньтао в Отчетном докладе на XVIII съезде КПК). Уже сегодня китайская группировка в Аденском

заливе, как утверждают специалисты, является самой крупной. Задача — «оборона дальних морей» (как это формулируется в китайских документах) и постоянное сопровождение китайских торговых судов. Цель всего этого — обеспечить нынешнему Китаю надежную (и многоканальную) связь с остальным миром, способную функционировать даже в случае обострения конфликтов в мире и попыток США или кого-нибудь другого контролировать проливы и коммуникации на подступах к Китаю или где-то еще. И в этом плане важность для КНР России и центрально-азиатских стран — достаточно велика. Но не исключительна — не стоит обольщаться.

Упомяну некоторые из других звеньев этой стратегии по созданию обходных и альтернативных путей.

- «Нить жемчуга» — система трубопроводов и опорных пунктов в Юго-Восточной Азии, призванная компенсировать вышеуказанные риски нарушения коммуникаций в Южно-Китайском море. Она включает в себя порты на морском побережье Бирмы (не менее пяти) плюс трубопроводы и шоссейные дороги от них в провинцию Юньнань на юге Китая.

- Строительство крупного контейнерного порта в Читтагонге (Бангладеш).

- Расширение и развитие глубоководного порта Гвадар в Пакистане (недалеко от Ирана), построенного в 2002 — 2005 гг. (открыт весной 2007 г.) при содействии Китая и находящегося в его управлении. По сведениям, здесь планируется также создать военно-морскую базу Китая.

- Порт Хамбантота на южном побережье Шри-Ланки, построенный в 2010 г. и обошедшийся Китаю в 6 млрд долл. (чтобы заполучить его, китайцы также предоставили Шри-Ланке несколько больших кредитов). Планируется и создание военно-морской базы на Мальдивских островах (в противовес американской базе на острове Диего-Гарсиа).

- Отдельно нужно отметить развитие отношений КНР с Непалом, где после революции 2008 г., приведшей к низложению проиндийски настроенного короля, к власти пришли коммунисты маоистского толка. Результатом стало формирование прокитайски настроенного правительства и начало строительства железной дороги через Тибет в Китай (на соединение с той, что уже проложена от восточных провинций Китая до Лхасы).

- И, разумеется, казахстанская нефть, туркменский газ, афганская медь — все это (и многое другое, что может понадобиться мировой фабрике) соединяется нефтепроводами, автомобильными и железными дорогами не только через Синьцзян с самим Китаем, но и с тем же портом Гвадар в Пакистане. Планируется строительство газопровода из Ирана в Китай через территорию Туркменистана, Узбекистана и

Казахстана. Еще один газопровод должен пройти из Ирана в Китай через Афганистан. Есть планы строительства нефтепровода из России в Индию через Китай. При этом все эти проекты предполагают создание «экономического пояса шелкового пути», т.е. развитие прилегающих территорий.

Не будем забывать и о планах развития так называемого Северного морского шелкового пути через российскую Арктику, а также трансзиатской магистрали по территории России, в которых Китай также намерен принять участие²².

Это все – не просто дублирование и диверсификация коммуникаций на случай конфликта с США. Это реальное воссоздание сети древних торговых путей, связывавших Китай (производивший в то время, по некоторым подсчетам, до трети мирового валового продукта) с Европой и другими странами мира (Персия, Согдея, Египет и т.п.)²³. Здесь же и персидский залив, и страны Африки, которые поставляют в Китай уголь и газ и которым за последние 10 лет КНР предоставила огромные кредиты на строительство инфраструктуры (по объему вложений в страны Африки с Китаем может отчасти конкурировать лишь Индия). А дальше – страны Латинской Америки, где присутствие Китая также ощущается все больше и больше. 23 декабря 2014 г. объявлено о начале очередной стройки века – трансокеанского канала в Никарагуа, который обойдется Китаю в 50 млрд долл., но во многом заменит существующий сегодня Панамский канал, находящийся в собственности и под контролем США. Канал предполагается построить за 5 лет, он будет глубже и шире Панамского и в течение 50 лет после постройки будет находиться в концессии у китайцев...²⁴

Европейское наступление Пекина

Конечной точкой «Нового шелкового пути» принято считать Европу (еще не так давно в качестве таковой называли Дюссельдорф в Германии – конечную точку железнодорожной магистрали Чунцин – Синьцзян – Европа, теперь – после визита Ли Кэцзяна в октябре 2014 г. – Италию²⁵).

У отношений Европы с Китаем – долгая история, включающая в себя и довольно мрачные страницы (в середине и конце XIX – начале XX вв.), которые китайцы отнюдь не склонны забывать. На современном этапе отношения также развивались по-разному²⁶ – были и санкции (некоторые, введенные в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., не отменены до сих пор), и торговые войны (последняя – в связи с поставками в страны ЕС китайских солнечных батарей – имела место в 2013 г.), и серьезное охлаждение отношений, пик которого, как мне кажется, пришелся на вторую половину первого десятилетия нашего века. Однако при всем при этом Европейский Союз как объединение стран являлся крупнейшим

торгово-экономическим партнером КНР и остается им до сих пор — и по объему взаимной торговли (по итогам 2013 г. — 560 млрд долл. против 520 млрд у США, находящихся на втором месте, и стран АСЕАН — 443 млрд), и по объему взаимных инвестиций. Причем характерно, что сегодня Китай не только продает в европейские страны больше продукции, чем покупает, но и с 2013 г. инвестирует в Европу больше, чем европейцы — в Китай.

Тем не менее одно время казалось, что переживающая серьезный кризис не только экономики, но и субъектной идентичности Европа становится для Китая все менее интересной. Делегации ЕС и отдельных европейских стран все чаще (особенно после экономического кризиса 2008 г., затронувшего страны ЕС, пожалуй, в наибольшей степени) выступали в Пекине в роли просителей экономической помощи (не переставая, впрочем, поучать китайцев по поводу прав человека и ситуации в Синьцзяне и Тибете), в то время как Китай в результате того же мирового экономического кризиса упрочил свое положение, окончательно превратился во вторую сверхдержаву и начал осознавать себя именно в этом качестве²⁷. Новое соотношение сил особенно ярко проявилось в ходе торговых споров лета 2013 г., которые закончились, по сути, победой Китая.

Тем не менее с весны 2014 г. мы наблюдаем фактически новый этап китайско-европейских отношений, что вполне можно назвать европейским наступлением Пекина²⁸, которое также согласуется с советами древних военных канонов. Китайские политологи, комментируя состоявшиеся весной и в начале лета визиты в Европу председателя КНР Си Цзиньпина и премьера Госсовета Ли Кэцзяна, говорили о том, что европейское наступление КНР является стратегическим решением, предпринятым в ответ на активизацию политики присутствия США в Восточной и Юго-Восточной Азии, направленную на стратегическое сдерживание и изоляцию Китая в торгово-экономической сфере. «Если США идут на восток, то Китай должен идти на запад», чтобы предотвратить «осаду» со стороны США²⁹.

В целом с декабря 2013 г. по начало июля 2014 г. по линии КНР — ЕС состоялось более десятка визитов и встреч на высшем уровне. В Пекине побывали премьер-министр Великобритании, президент Франции, премьер-министр Италии, канцлер и вице-канцлер Германии, президент Португалии, президент Болгарии, премьер-министр Венгрии, президент Хорватии и др. Высшие руководители КНР, в свою очередь, трижды посетили Европу (китайские комментаторы упоминают также поездку члена ПК Политбюро ЦК КПК Лю Юньшаня, состоявшуюся незадолго до визита Ли Кэцзяна).

Наиболее знаковым, разумеется, был визит высшего руководителя КНР в марте 2014 г. Для поездки были выбраны Германия — основной партнер КНР в Европе (на Германию приходится треть китайско-

европейской торговли), Франция – традиционный партнер, с которым Китай и китайцев связывает давняя и в последнее время очень непростая история отношений (Франция была первой западной страной, 50 лет назад установившей отношения с коммунистическим Китаем), Бельгия (где расположена штаб-квартира ЕС), а также Голландия, имеющая давнюю историю отношений с Китаем и второй после Германии объем двусторонней торговли с КНР. Особую пикантность визиту придавало то, что обычно отношения с Европейским Союзом в Пекине находятся в компетенции премьер-министра страны, а не председателя КНР (и по совместительству Генсека КПК).

Впрочем, для визита существовал и формальный повод – участие в саммите по ядерной безопасности в Гааге, где Си Цзиньпин провел серию встреч с лидерами различных стран, в том числе с приехавшим на саммит в Европу президентом США Обамой (супруга которого в это время вместе с детьми путешествовала по Китаю).

Комментируя визит, китайские эксперты в области международных отношений подчеркивали те изменения в отношениях двух сторон, которые, по их мнению, свидетельствуют о том, что они вышли на новый уровень. Это, во-первых, переход от торговли к взаимным инвестициям, активизация стратегического диалога, а также желание Китая привлечь европейские страны к своим проектам «Нового шелкового пути». Во время визита Си Цзиньпин представил в Европе «новую концепцию партнерства», которая, подчеркивая разницу между китайской и европейской цивилизациями, указывает на то, что именно это обеспечивает взаимодополняемость сторон и является основой для взаимного уважения различного выбора пути развития. Тем не менее в ходе визита специально подчеркивалось, что Китай рассматривает сотрудничество с Европой как часть общего евразийского сотрудничества в рамках создания «экономического пояса» Шелкового пути. И это новый момент в китайской политике по отношению к странам ЕС, нашедший отражение и в «Совместном заявлении об углублении китайско-европейских отношений всестороннего стратегического партнерства на базе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», опубликованном во время визита Си Цзиньпина в штаб-квартиру Европейского Союза.

Вслед за этим премьер Ли Кэцян, посетивший в июне Великобританию и Грецию, установил, как подчеркивали китайские комментаторы, «рекорд» по количеству и качеству подписанных соглашений³⁰. В частности, с Великобританией были подписаны соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики (несмотря на то, что контакты в этой области по-прежнему ограничиваются санкциями) и в строительстве высокоскоростных железных дорог (последнее означает, что китайские технологии, многократно опробованные внутри страны, оказались уже востребованы и в самых развитых

странах Европы), а также соглашение о постепенном переходе в расчетах с Великобританией на юани и фунты стерлингов и об открытии в Лондоне банковского центра юаневых расчетов. Учитывая тот факт, что Лондон является одним из мировых финансовых центров, значение этого трудно переоценить. Помимо того, китайцам удалось договориться с Лондоном по поводу определенного облегчения визового режима для граждан КНР — последние смогут использовать для поездок в Великобританию ирландские и шенгенские визы, и это несмотря на то, что Лондон, как известно, крайне жестко подходит к данным вопросам.

Во время визита в Грецию основное внимание было уделено порту Пирей, которым китайская компания контейнерных перевозок COSCO управляет на правах аренды на 35 лет по договору, заключенному в 2009 г. Китайцы намерены сделать этот порт одним из ведущих на Средиземном море и в Европе в целом — с 2010 по 2013 гг. они увеличили пропускную способность Пирея с 685 тыс. TEU (единица измерения, равная объему, занимаемому стандартным 20-футовым контейнером) до 2,52 млн, т.е. в 3,7 раза³¹. Понятно, что по сравнению с крупнейшими портами мира (шесть из которых находятся в Китае) — это немного. Однако по европейским меркам порт Пирея уже вполне сопоставим с другими (крупнейший в Европе — Роттердам — 10 млн TEU, в то время как крупнейший российский терминал контейнерных перевозок в Петербурге — не более 500 тыс.). Китай договорился с Грецией о строительстве аэропорта на Крите и, по-видимому, достигнет соглашения по поводу виз и прав проживания для китайцев, участвующих в вышеуказанных проектах.

Во время своего второго визита в Европу в октябре 2014 г. Ли Кэцзян побывал в Германии (которая, если учесть также визит в Пекин Ангелы Меркель в июле 2014 г., является наиболее частым партнером Китая по переговорам среди стран ЕС), приняв участие в 6-м Гамбургском саммите в рамках Китайско-европейского форума, в котором участвовали более 500 представителей политических, экономических и научных кругов Китая и Европы (саммит существует с 2004 г. и проводится раз в два года), и в Италии, где принял участие в 10-м саммите «Азия — Европа» в Милане и выступил с речью перед Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН в Риме. В поездке, которая рассматривалась как важный шаг на пути осуществления подписанной в предыдущем году Программы стратегического сотрудничества КНР и ЕС на 20 лет, Ли Кэцзян сопровождало более десятка министров и заместителей министров правительства КНР, также общавшихся со своими коллегами из Германии и Италии. Однако главным отличием этой поездки китайского премьера от предыдущих было то, что визитам в две страны ЕС предшествовала остановка и переговоры в Москве с руководством РФ, что является

дополнительным свидетельством того, что Пекин сегодня рассматривает сотрудничество с Западной Европой как часть своих усилий по строительству «Нового шелкового пути», как часть евразийского сотрудничества по самому широкому спектру, а не как отдельное стратегическое направление. И в свете изменившегося соотношения сил имеет для этого все основания.

Активность Китая на европейском направлении рассматривается им как часть усилий по созданию структуры, альтернативной ныне существующей, структуры, в центре которой должен быть Китай.

Параллельная реальность

Вся эта активная деятельность Пекина – строительство портов и дорог, активное развитие экономического сотрудничества с самыми различными странами, формирование инфраструктуры, способной накрепко соединить Китай с самыми различными уголками мира и обеспечить бесперебойную поставку китайских товаров во все страны – это на самом деле лишь часть той кропотливой работы, которую ведет Китай, по-прежнему стараясь не вступать в открытую конфронтацию с существующим миропорядком (и в этом смысле известный завет Дэн Сяпина – «не высовываться» – по-прежнему может считаться одной из основ внешнеполитической деятельности руководства КНР на международной арене). Работа по созданию «параллельной реальности», существующей независимо от тех, кто сегодня пока еще определяет судьбы мира – США, стран Запада и международных финансовых структур, – ведется постоянно и активно. И в тех случаях, когда эта реальность нуждается в защите, Китай уже способен действовать жестко и твердо отстаивать свои интересы (именно на это и намекают те, кто уже сегодня в Китае призывает отказаться от вышеупомянутого постулата Дэна).

Международные организации, созданные без участия США и западных стран – ШОС, БРИКС и др., переход на расчеты в юанях, которые уже сегодня практикуются (на основе прямой взаимной конвертации) с Японией, Гонконгом, Макао, странами АСЕАН, Великобританией (обсуждается переход на подобные расчеты с Россией и другими странами БРИКС), создание под эгидой Китая многочисленных зон свободной торговли по всему миру, формирование независимой от МВФ и США международной финансовой системы – банки в Азии и банк БРИКС – все это шаги, ведущие к построению такой «параллельной реальности».

Замечу, что параллельная реальность, независимая от руководства Европейского Союза, уже существует и в Европе. Это созданный несколько лет назад и успешно функционирующий форум КНР – страны Центральной и Восточной Европы.

Пекин некоторое время назад без оглядки на Брюссель начал активно налаживать двусторонние экономические связи с проблемными европейскими странами (страны Центральной, Восточной и Южной Европы), вовлекая их в свою орбиту. А с началом второго десятилетия нынешнего века даже перешел к формированию так называемого субрегионального формата сотрудничества, создав независимый от отношений с Брюсселем форум Китай – страны ЦВЕ со штаб-квартирой (вернее, представительствами стран-участниц) в Пекине.

В рамках этого форума на регулярной основе проходят встречи премьер-министра Китая с руководством всех стран ЦВЕ, попеременно то в Пекине, то в столице одной из стран-участниц. На саммите в столице Румынии Бухаресте в ноябре 2013 г. была принята так называемая Бухарестская программа по сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ. Китай и Румыния договорились о создании рабочей группы для проведения переговоров по содействию сотрудничеству в сфере инфраструктуры. Китай, Венгрия и Сербия объявили о сотрудничестве по строительству железной дороги между Венгрией и Сербией. Ряд стран выразил готовность развивать сотрудничество с Китаем в области атомной энергетики, гидроэнергетики и тепловой энергетики. А в целом выдвинутый на этом саммите Ли Кэцзяном пакет предложений позволяет в течение пяти лет увеличить объем двустороннего товарооборота вдвое.

Заметим, что сотрудничество по линии Китай – ЦВЕ обеими сторонами именуется именно как «двустороннее», а не многостороннее. Другими словами, Китай рассматривает страны ЦВЕ не как членов ЕС, а как отдельную структуру, как особого партнера КНР на европейском направлении. И представители этих стран с такой позицией, пусть с оговорками, но соглашаются³².

***

И в заключение – несколько слов о том, что со всем этим делать России.

Прежде всего – научиться видеть эту параллельно возникающую реальность и использовать ее на благо России, а не только в рамках конфронтации с геополитическим противником.

Научиться использовать опыт Китая в развитии собственной экономики, а не надеяться на его бескорыстную помощь в качестве сегодняшнего стратегического союзника (стратегия Китая, в полном соответствии с теми же военными канонами древности, не предполагает заключение долговременных союзов, накладывающих жесткие обязательства на поведение сторон)³³.

И стараться не допускать появления «параллельной реальности» на собственной территории, т.е. не допускать таких явлений, как

многочисленные «черкизоны», широко расплодившиеся в 90-е гг. (и не до конца ликвидированные и сегодня) в результате так называемой челночной торговли и изрядно поспособствовавшие оттоку из нашей страны валютных средств и ликвидации производства соответствующих товаров на российской территории (разумеется, наряду с другими ошибками в экономической политике). Или той ситуации, которая сегодня сложилась, например, в российском туристическом бизнесе, обслуживающем китайцев, которые уже несколько лет держат первое место по объему турпотока в РФ – отсутствие контроля за ним привело к тому, что 90% тургрупп из материкового Китая отданы на откуп «серым» китайским фирмам³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Цзе Сюань*. Военный канон в ста главах / пер. В.В. Малявина. – М.: Европа, 2011. С. 38, 170.

Эта небольшая работа жившего в середине XVII в. автора сравнительно недавно введена в научный оборот российским исследователем китайской философии и военной стратегии В.В. Малявиным и намного менее известна, чем классические трактаты Сунь У («Суньцзы»), У Ци («Уцзы») или Сунь Биня (см.: Китайская военная стратегия. – М.: АСТ, 2004). Однако, по мнению переводчика, «книга Цзе Сюаня представляет основные понятия и принципы китайского военного искусства в столь кристально четком, очищенном от исторических наслоений виде, что ее значение как памятника китайского мышления и культуры далеко выходит за рамки собственно китайской военной мысли».

² Стенограмма Круглого стола «Утрата определенности: очертания посткризисного мира». Москва, 28 ноября 2014 года. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ah-fZE2iiv4>

³ В настоящее время Китай является крупнейшим производителем и экспортером автомобилей, мобильных телефонов, бытовой техники, компьютеров, телекоммуникационного оборудования, строительных машин (экскаваторов и т.п.), LED-индикаторов, ветрогенераторного оборудования, судов, игрушек, обуви и т.д., причем по некоторым позициям (игрушки, обувь, ветрогенераторы, солнечные панели, бытовая техника) преимущество Китая является подавляющим (по игрушкам и обуви – порядка 90% мирового производства).

⁴ См. статью Наазнина Барма «Добро пожаловать в мир без Запада» в журнале «Национальный интерес» (The National Interest, USA) за ноябрь 2014 г. – URL: <http://nationalinterest.org/feature/welcome-the-world-without-the-west-11651?page=show>

⁵ См. там же.

⁶ URL: <http://nationalinterest.org/article/report-and-retort-a-world-without-the-west-1658>

⁷ См., например, уже упомянутую книгу «Китайская военная стратегия» или: *Зенгер Х. фон*. Стратегемы: о китайском искусстве жить и выживать. – М.: Эксмо, 2004.

⁸ Согласно официальной версии, общее положение о делении мира на три части выдвинул Мао Цзэдун в феврале 1974 г. в беседе с президентом Замбии Каундой: «По-моему, США и СССР образуют первый мир, промежуточные силы, например, Япония, Европа и Канада, принадлежат ко второму миру. Мы же с вами относимся к третьему миру». Далее в составе третьего мира Мао перечислял Азию, за исключением Японии, всю Африку и Латинскую Америку (см.: Китайская народная республика в 1977 году; политика, экономика, идеология. – М.: Наука, 1979. С. 140 – 141; Жэньминь жибао. 1 ноября 1977 г.). Развернутый вариант «теории 3-х миров» чуть позже, в апреле 1974 г. был изложен Дэн Сяопином, незадолго до этого на короткое время вернувшимся в руководство

КНР, на сессии Генеральной ассамблеи ООН в том же году. Однако можно с уверенностью сказать, что вклад Дэн Сяопина в развитие этой теории, основанной прежде всего на прагматических подходах премьера Чжоу Эньлая, является по крайней мере не меньшим. По воспоминаниям дочери Дэн Сяопина, последний, которому, несмотря на противодействие со стороны «четверки», поручили вместо плохо себя чувствующего Чжоу возглавить делегацию КНР на Генеральной ассамблее, лично принимал активное и непосредственное участие в написании своего доклада, который потом без изменений и дополнений был одобрен Мао и Политбюро.

⁹ Подробнее об этом см. в моих статьях. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/socializm-s-kitayskoy-specifikoy-chast-i-buharinskiy-povorot/>; <http://www.odnako.org/blogs/pouchitel'naya-politicheskaya-istoriya-tyananmen-k-chetvertvekovomu-yubileyu-pekinskogo-maydana/> и др.

¹⁰ В Китае история руководства страной начинается с Мао Цзэдуна. Он (вместе с ветеранами революции) представляет собой «первое поколение китайских руководителей». Дэн Сяопин (вместе с теми, кто номинально руководил страной при нем – Ху Яобаном и Чжао Цзяном) – второе. Цзян Цзэминь (и по сей день входящий в состав руководящих органов) вместе с премьерами Ли Пэнном и Чжу Жунцзи – третье. Четвертое поколение – Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао. Пятое, пришедшее к власти после XVIII съезда в ноябре 2012 г. и сессии ВСНП в марте 2013 – Си Цзиньпин и премьер Ли Кэцян.

¹¹ URL: <http://www.odnako.org/blogs/kak-kitay-izuchaet-opit-sssr-i-obezhaet-katastrofu-posleslovie-k-perestroechnomu-plenumu/> «Прежде всего бросается в глаза предложение об отмене хукоу (системы регистрации в домовых книгах, существовавшей в КНР с 1958 г. и являвшейся одним из основных способов контроля за населением, в том числе в области ограничения рождаемости) в небольших и средних городах, а также предложение о сохранении для сельских жителей, переехавших в города, программ пенсионного и медицинского страхования. Очевидно, что данные меры (если они будут одобрены весенней сессией ВСНП и оформлены как законы) должны способствовать смягчению социальной напряженности на местах. Так же, как разрешение на сдачу в залог прав на хозяйственный подряд на селе и использование земли под жилую застройку. Все это – серьезные послабления, которые должны коснуться не столько бизнеса, сколько рядовых граждан, причем в первую очередь крестьян».

¹² См. URL: <http://www.odnako.org/blogs/socializm-s-kitayskoy-specifikoy-chast-i-buharinskiy-povorot/>

¹³ URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/potencial-avtoritarizma/>

¹⁴ См.: *Виноградов А.* Брендинг в эпоху фазового перехода // Отечественные записки. 2008. № 3.

¹⁵ См., например, вышеупомянутую статью на сайте «Однако», а также статьи на сайте «Перспективы», например, URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/anatomija_kitajskogo_podjema_i_jego_mirovoje_znachenije_kritika_civilizacionnogo_diskursa_2014-05-21.htm

¹⁶ Переход Китая к «политике реформ и открытости» в конце 70-х гг. сопровождался резким усилением антисоветизма, вплоть до развязывания войны с Вьетнамом и активных усилий по формированию «единого фронта борьбы с советским гегемонизмом», что позволило Китаю во главе с Дэном представить себя западным странам не просто как союзника, а как авангард борьбы с Советским Союзом и благодаря этому получить от них и благоволение реформам, и существенную помощь в их дальнейшем осуществлении. Переход к налаживанию нормальных отношений с «северным соседом» произошел лишь с началом перестройки в СССР и выполнении Советским Союзом знаменитых «трех предварительных условий» Дэн Сяпина (вывод войск из Афганистана, отвод войск от границы, прекращение поддержки Вьетнама). При этом последнее в Китае считается успехом именно китайской внешней политики.

¹⁷ URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/potencial-avtoritarizma/>

¹⁸ Д. Рикардо, основоположник теории мировой торговли, доказывал эффективность международного разделения труда и необходимость специализации

стран на основе их сравнительных преимуществ; И.Г. Фихте в труде «Замкнутое торговое государство» (1800) отстаивал преимущества хозяйственной автаркии.

¹⁹ В упомянутой статье приводится индийская шутка о том, что «в Индии строят то, что в Китае уже сносят».

²⁰ См.: *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина: стратегия или тактика? // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

²¹ Кстати, не могу не заметить, что старый «шелковый путь» существовал и активно использовался Китаем для связи с Европой и другими странами вплоть до появления альтернативного ему морского пути и тоже представлял собой разветвленную сеть (как и нынешний – в том виде, как он видится китайскому руководству), а не просто дорогу из Китая в Европу. Подробнее см. небольшую, но крайне интересную книгу российского специалиста по экономической истории А.М. Петрова «Великий шелковый путь» (М., 1995).

²² Правда, пока российская сторона медлит и раскачивается, китайцы активно строят железные дороги и шоссе южнее, в обход РФ – см. монографию С.Л. Сазонова «Транспорт Китайской Народной Республики» (М.: ИДВ РАН, 2012).

²³ См.: *Петров А.М.* Великий шелковый путь.

²⁴ URL: <http://expert.ru/2014/12/23/strojka-veka/?ny>

²⁵ В комментарии «Жэньминь жибао» по поводу визита Ли Кэцзяна так и было написано: «Исторически, Италия является конечной точкой сухопутного и морского Шелкового пути. Сегодня Италия вновь может играть роль связующего моста сотрудничества азиатского, европейского и африканского континентов» (Жэньминь жибао. 9.10.2014). И это действительно так, только тогда это была не Италия, а Венецианское королевство – ведущий торговый партнер Китая в Европе.

²⁶ См. мои статьи по данной теме на сайте ИДВ РАН, сайте Odnako.org, в журнале «Проблемы Дальнего Востока», в ежегодниках «КНР: политика, экономика, культура» и «Китай в мировой и региональной политике».

²⁷ Подробнее об этом см.: Сильный Китай, слабая Европа: о новом соотношении сил в Евразии. Часть I. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-i/> и Часть II. – <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/>

²⁸ См.: *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина: стратегия или тактика?

²⁹ russian.china.org.cn, 25-06-2014

³⁰ Синьхуа. 22 июня 2014

³¹ Синьхуа. 19 июня 2014.

³² Подробнее см.: *Виноградов А.О.* Китай и страны Европейского Союза во втором двадцатилетии XXI века // КНР: политика, экономика, культура. – М.: ИДВ, 2014.

³³ URL: <http://www.odnako.org/blogs/nuzhen-li-rf-soyuz-s-kitaem/>

³⁴ О том, как это произошло и к чему это ведет, подробнее см.: URL: <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-mygakoy-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/>

REFERENCES

Alexandrova M. Tourism as a form of soft power. Problems of the Chinese traveler in Russia. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-mygakoy-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/> (in Russ.).

Jie Xuan. Military canon in hundred chapters. Trans. in Russ. V.V. Malyavin. Moscow, Europe, 2011. 176 p.

Naasneen Barma. Report and Retort: A World Without the West. The National Interest (USA). November 2014. Available at: <http://nationalinterest.org/article/report-and-retort-a-world-without-the-west-1658>

Peoples Republic of China in 1977: politics, economics, ideology. Moscow, 1979. 325 p. (in Russ.).

Petrov A.M. *The Great Silk Road*. Moscow, Vostochnaya Literatura [Eastern Literature], 1995. 127 p. (in Russ.).

Rénmín Ribào. 1977, 1 November. 2014, 9 October. (in Chinese).

Sazonov S.L. *Transport of China*. Moscow, Institut Dalnego Vostoka [Institute of the Far East RAS], 2012. 356 p. (in Russ.).

Senger H. von. «*Chinese military strategy*» or *Stratagem: the Chinese art of living and survive*. Moscow, 2004. 512 p. (in Russ.).

Transcript of the Round Table «The loss of certainty: the outlines of the post-crisis world». Moscow, 24, November, 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Ah-fZE2iiw4> (in Russ.).

Vinogradov A.O. Anatomy of China's rise and its global significance. Criticism of the civilizational discourse. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/anatomija_kitajskogo_podjema_i_jego_mirovoje_znachenije_kritika_civilizatsionnogo_diskursa_2014-05-21.htm (in Russ.).

Vinogradov A.O. Beijing offensive in Europe: strategy or tactics? *Problemi Dalnego Vostoka* [The Problems of Far East]. 2014. No. 5. (in Russ.).

Vinogradov A.O. Branding in the Age of the phase transition. *Otechestvennie zapiski* [Notes of the Fatherland]. 2008. No. 3. (in Russ.).

Vinogradov A.O. China and the European Union in the second twenty years of XXI century. *China: politics, economy, culture*. Moscow, Institut Dalnego Vostoka [Institute of the Far East RAS], 2014. (in Russ.).

Vinogradov A.O. Does Russia need a union with China? Available at: <http://www.odnako.org/blogs/nuzhen-li-rf-soyuz-s-kitaem/> (in Russ.).

Vinogradov A.O. How China studies the experience of the Soviet Union and tries to avoid the disaster. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1385250660> (in Russ.).

Vinogradov A.O. Instructive political history of Tiananmen: a quarter-century anniversary of «Beijing Maidan». Available at: <http://www.odnako.org/blogs/pouchitel'naya-politicheskaya-istoriya-tyananmen-k-chetvertvekovomu-yubileyu-pekingskogo-maydana/> (in Russ.).

Vinogradov A.O. Strong China, weak Europe: a new balance of power in Eurasia. Part I. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-i/> Part II. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/> (in Russ.).

Vinogradov A.O. The socialism with Chinese characteristics and Bukharin's turn-out. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/socializm-s-kitayskoy-specifikoy-chast-i-buharinskiy-povorot/> (in Russ.).

Аннотация

Китай, что бы ни говорили о его стратегии в США, не собирается ни бросать вызов существующему мировому порядку, ни вписываться в него. КНР, стараясь не допускать открытой конфронтации с США и западными странами, выстраивает свой собственный мир, параллельный существующему, мир, основанный не столько на геополитике, сколько на геоэкономике. При этом уже самим своим существованием Китай доказывает возможность пути, отличного от Запада.

Ключевые слова: Китай, США, Европа, внешняя политика, стратегия, экономика, Россия.

Summary

China, as opposed to what they say about his strategy in the US, is not going to either challenge the existing world order or fit into it. China, trying to avoid open confrontation with the United States and Western countries, builds his own parallel world, based not so much on geopolitics, but on geo-economics. And already by its very existence the modern China proves the possibility of path different from the West.

Keywords: China, USA, Europe, foreign policy, strategy, economy, Russia.